

Политика содействия международному развитию стран Северо-Восточной Азии на Африканском континенте в XXI в.*

Буланакowa Мария Александровна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры международных отношений

Кандидат исторических наук

mashbulanakova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В фокусе исследования — значение сотрудничества Африки и Азии для развития системы МО на современном этапе. Автор рассматривает возможности этого партнерства на примере взаимодействия африканских государств и ведущих восточноазиатских доноров, выделяя как общие, так и особенные черты политики содействия международному развитию КНР, Республики Корея и Японии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

панфриканизм, африканский регионализм, Африканский Союз, политика СМР, ОПР, «Иокогамская декларация», сотрудничество Юг-Юг, ОЭСР, ТИКАД, ФОКАС, JICA, KOICA, инфраструктурное развитие, прямые иностранные инвестиции

Bulanakova M. A.

The North-East Asian countries assistance for international development on African continent in the XXI century

Bulanakova Maria Aleksandrovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair of International Relations

PhD in History

mashbulanakova@yandex.ru

ABSTRACT

This article is dedicated to the analyzing of contemporary perspectives of African' regionalism. The main attention of the study is the importance of cooperation between Africa and Asia at the present stage of development of the system of the International relations. The author offers a comparative analysis of the policies of Japan, China and Korea in the field of international development assistance.

KEYWORDS

NEPAD, AU, FOCAC, TICAD, OECD, JICA, KOICA, Pan Africanism, Agenda-2063, ODA, FDI, infrastructural development

* Настоящая статья продолжает публикацию автора «Африканский регионализм и международные ресурсы развития Африки в XXI в.», изданную в журнале «Управленческое консультирование» № 10, 2015 г.

В XXI в. стабильность и процветание во всем мире будут достигнуты только тогда, когда будут решены проблемы Африки.

Ёсиро Мори,
премьер-министр Японии (2000–2001)

В начале XXI в. Африка оказалась совершенно в новой ситуации развития, на этот момент существенно изменились как глобальные, так и региональные условия экономической и политической активности африканских государств. В то же время заметно эволюционировала и парадигма политики развития, изменился характер участников и механизмы процесса содействия международному развитию. Политика развития стала трактоваться значительно шире, на основе универсальных стратегий роста, глобальной и региональной интеграции. Изменилось понимание роли СМР в развитии африканских государств и континента в целом. Существенно возросла активность партнерских отношений Африки и внерегиональных игроков в рамках политики содействия международному развитию.

Характерным примером этих процессов может послужить динамика отношений Африки с государствами Восточной Азии: Японией, КНР и Южной Кореей. Этот вектор сотрудничества интересен сразу по нескольким причинам. Во-первых, в год 60-летия Бандунгской конференции (1955) очевидное звучание приобрела идея особой судьбы и роли Азии и Африки в современном мире. Коренные принципы Бандунга — солидарность, дружба и сотрудничество — рассматриваются в качестве основы партнерских отношений государств Азии и Африки, признаются источником общей позиции в международных процессах. На юбилейных мероприятиях в Индонезии представитель Министерства иностранных дел Японии *Kazuyuki Nakane* отмечал, что растущее партнерство Азии-Африки является важным показателем развития современных международных отношений и серьезным ресурсом влияния Азии и Африке в мире¹.

Во-вторых, интересы африканских и азиатских государств представляются довольно неоднозначными. Прежде всего, в случае с Китаем и Кореей срабатывает стереотип «общей колониальной судьбы», в тоже время КНР, как пример быстро-растущей экономики, может служить образцом для решения проблем, с которыми сталкиваются развивающиеся африканские экономики. Южная Корея в рамках политики развития на африканском континенте успешно продвигает собственный опыт трансформации из сельскохозяйственного в индустриальное государство. Япония, привлекая внимание к проблемам развития Африки в период всеобщего падения интереса к континенту на рубеже 80–90-х гг. XX в., долгое время державшая пальму первенства в качестве донора африканских стран, без сомнения, обладает широким влиянием на своих африканских партнеров. В целом, азиатский вектор сотрудничества остается особо важным для африканских государств, балансирующих в своей внешнеполитической активности между интересами влиятельных внерегиональных партнеров по линии СМР — США, Франции, ЕС. Очевидно, что партнерство с восточноазиатскими государствами открывает возможность разнообразить инструментарий сотрудничества путем реализации взаимодействия по линии Юг-Юг, или же трехстороннего сотрудничества (*Triangular Cooperation*).

В-третьих, восточноазиатские государства разделяют прагматику международного сотрудничества по линии содействия развитию. Япония и Республика Корея

¹ Address by Parliamentary Vice-Minister for Foreign Affairs of Japan Kazuyuki Nakane, on the Occasion of the Ministerial Meeting of the Commemoration of the 60th Anniversary of the Asian-African Conference (Bandung Conference). April 20. 2015. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000076894.pdf>

являются членами Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), при этом Япония выступает в качестве общепризнанного традиционного донора и одного из влиятельных участников процесса СМР. Корея же является донором, который еще задолго до своего вступления в 2010 г. в ОЭСР осуществлял активную политику содействия развитию, потенциал Кореи в области СМР постоянно наращивается, доказательством чему служат цели государства по наращиванию объемов финансирования в рамках СМР. Китай выступает в качестве стратегического партнера ОЭСР, не являясь членом организации. КНР характеризуется как «новый донор», государство, разделяющее цели и приоритеты деятельности ОЭСР в области развития. Китай рассматривается как участник сотрудничества Юг-Юг в области развития, т. е. таких форм сотрудничества, «при которых донорами являются развивающиеся страны, предоставляющие экспертизу и финансовую поддержку для укрепления экономического и социального положения других стран Юга [3, с. 173].

В-четвертых, следует отметить, что мотивы, цели, сферы сотрудничества восточноазиатских государств с африканскими суверенными и мультilaterальными акторами в рамках политики СМР довольно разноплановы. Место Африки во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности азиатских государств также неоднозначно. Учитывая тот факт, что приоритетным регионом реализации СМР для всех восточноазиатских игроков остается Азия, их присутствие в Африке в качестве доноров имеет существенную национальную и интернациональную подоплеку.

Одним из традиционных доноров Африки, а также участников политики СМР выступает Япония. Официальную помощь развитию в рамках СМР Япония начала осуществлять в 1954 г., став участницей «Плана Коломбо». С этого момента Япония оказывает существенную финансовую и техническую помощь развивающимся странам, стремясь тем самым внести свой вклад в установление мира и развитие международного сообщества [1, с. 200].

Начиная с 90-х гг. XX в. оформляются устойчивые отношения Японии с африканскими государствами в рамках политики СМР. За последнее десятилетие эти отношения переживают существенное институциональное развитие. Токийская международная конференция по развитию Африки (ТИКАД), основанная в 1993 г., к началу XXI в. уже перестала устраивать самих африканцев, и они упорно настаивали на необходимости развития организационных форм партнерства. Это привело к эволюции целей и инструментов ТИКАД, в результате чего существенно усилилась роль африканских государств и АС посредством соуправления и равноправного выдвижения инициатив по развитию сотрудничества. Начиная с 2013 г. Комиссия Африканского союза выступает в качестве соорганизатора Форума.

Закономерность появления ТИКАД была связана с тем, что после окончания «холодной войны» интерес к Африке среди лидеров международного развития существенно сократился, и в этих условиях по инициативе японского правительства появляется ТИКАД как инструмент привлечения интереса международного сообщества к проблемам развития Африки. Появление подобной инициативы японского правительства приходится на период интенсивного роста японской экономики, ставшей одним из лидеров мирового развития. Характер и инструменты присутствия Японии в различных регионах мира на тот момент довольно широко критиковались. Японию обвиняли в игнорировании экономических интересов стран, в которые она приходила в качестве лидирующей экономики, «проявляя свой ненасытный звериный аппетит». В то же время конец 80-х — первая половина 90-х гг. XX в. — это период роста регионального влияния Японии, период укрепления международного статуса этого восточноазиатского государства. Японское правительство за короткие сроки увеличивает расходы на реализацию политики СМР, и уже в 1989 г.

Япония лидирует в качестве страны-донора в мире, опередив при этом США [16, с. 316]. Япония сохраняет свое лидерство в качестве ведущего мирового донора вплоть до начала 2000-х гг. В общей сумме к 2004 г. Япония предоставила 185 государствам помощь более, чем на 220 млрд долл. [7, с. 29].

Токийская конференция, которая проводится с периодичностью один раз в пять лет, стала воплощением влияния и роли Японии в процессах международного развития рубежа XX–XXI вв. ТИКАД представляет собой не только площадку для дискуссий по проблемам развития Африки, но предлагает конкретные планы действий и координации международных усилий по проблемам развития Африки. Знаковым партнером ТИКАД в осуществлении практических планов по реализации политики содействия развитию Африки выступает Японское агентство по международному сотрудничеству (JICA/ЯАМС) [9, с. 52].

Японское агентство по международному сотрудничеству (JICA), основанное еще в 1974 г. и ставшее в ходе преобразований 2008 г. одним из крупнейших механизмов реализации политики развития Японии, уже в 70-е гг. XX в. осуществляло значимые проекты в Африке: в Кении — совместный проект с Университетом сельского хозяйства и технологии, в Гане — совместный проект с Институтом Медицинских исследований, строительство моста Матади в Демократической Республике Конго и ряд других значимых проектов [9, с. 51].

В условиях первой конференции ТИКАД в 1993 г. одним из основных аспектов деятельности Японии стало внедрение азиатского опыта развития в политическую практику африканских государств. Это направление стало лейтмотивом первых саммитов и подходов Японии к реализации политики развития в Африке [15, с. 32–34].

В 1990-е гг. в русле деятельности ТИКАД I и II Агентство по международному сотрудничеству JICA фокусирует свою деятельность на обеспечении базовых потребностей человека, человеческом развитии, сокращении бедности, с пристальным вниманием к сферам образования, здравоохранения, обеспечения населения питьевой водой.

Начиная с XXI в. при возрастающей потребности африканских государств в поддержке экономического развития и роста JICA фокусирует помощь на развитии региональной инфраструктуры и обеспечении сельскохозяйственного роста. С завершением открытых конфликтов в Судане, Демократической Республике Конго, Сьерра Леоне, Либерии JICA инициирует процессы постконфликтного урегулирования и реконструкции [9, с. 51].

В рамках ТИКАД III наметились новые тенденции в реализации африканской политики Японии. Прежде всего, у Японии наряду с правительствами африканских государств появился значимый партнер по реализации стратегий развития, а именно — НЕПАД. А также в качестве новой черты японской СМР отмечают повышенный интерес японского частного бизнеса к африканским экономикам [16, с. 317–318]. Присутствие Японии в Африке в этот период структурируется вокруг задач и интересов бизнеса, но, одновременно с этим, участники сотрудничества координируют свои цели со стратегиями развития ООН, а также через НЕПАД начинают учитывать интересы африканских государств при формировании задач ОПР, чему способствуют, прежде всего, panaфриканские политические тенденции.

К концу первого десятилетия XXI в. в контексте африканской политики Японии значительно усиливается компонент партнерства, а приоритетными целями становятся трансформация африканской экономики для качественного роста, активное продвижение инфраструктурного развития, обеспечение устойчивого роста [15, с. 32–34].

Последняя, на настоящий момент пятая конференция ТИКАД, прошедшая в 2013 г., стала одной из крупнейших международных конференций по проблемам СМР, проводившихся в Японии [2, с. 60; 8, с. 20–27].

По итогам V конференции было принято два принципиальных документа: «Июкогамская декларация» и «Июкогамский план действий 2013–2017 гг.». Стратегическое значение этих документов в том, что они отразили произошедшие перемены как в характере сотрудничества стран-доноров и африканских государств, так и в положении Африки в современных международных процессах. Участниками конференции ТИКАД Африка понимается не только и не столько как реципиент помощи, но как «партнер по бизнесу», и такое восприятие континента представляется на сегодняшний день доминантным. Учитывая факт перехода ООН к новым стратегиям глобального развития, следует подчеркнуть, что новое понимание Африки как равноправного и ответственного партнера вошло в стратегические документы ООН благодаря усилиям Африканского Союза и его внешних партнеров, в том числе и Японии. Новое видение Африки получило развитие в контексте реализации политики SMP.

На современном этапе Япония реализует как мультилатеральную, так и билатеральную политику содействия развитию африканским странам. Мультилатеральное сотрудничество проявляется в финансировании деятельности и денежных пожертвованиях международным организациям, сотрудничающим с Африканским Союзом и отдельными африканскими странами. Билатеральное партнерство протекает по трем основным направлениям: техническое сотрудничество, кредитование в области развития, грантовая поддержка проектов ОПР [9, с. 12].

«Техническая помощь связана с оказанием помощи в продвижении технологий, создании условий для технического развития, образованием специалистов, экспертизой технического развития. Грантовая поддержка связана с социально-экономическим развитием страны-реципиента и с широким спектром направлений фондирования от образовательных грантов до строительства мостов. Политика кредитования в области развития предполагает финансирование долгоиграющих проектов, связанных с динамикой инфраструктуры реципиента, в отличие от грантовой и технической помощи кредитование требует полного погашения средств» [12, с. 23].

Технический вектор помощи в рамках ОПР Японии координирует Японское Агентство по международному сотрудничеству JICA; грантовая поддержка реализуется Министерством иностранных дел Японии MOFA; а кредитование в рамках ОПР осуществляется через Японский банк для международного сотрудничества (JBIC). Общий объем официальной помощи развитию Японии в 2013 г., по данным ОЭСР, составил 11,786 млрд долл., или 0,23% от ВНД Японии [11, с. 402].

В рамках конференции ТИКАД V (2013) японское правительство объявило о характере и общих объемах предстоящих инвестиций в Африку, Япония планирует в ближайшие годы выйти на уровень 32 млрд долл., из них 14 млрд будут реализованы через механизмы официальной помощи развитию [8, с. 27].

Финансирование по линии официальной помощи развитию от Японии получают 49 государств Африки¹. При этом ни одно африканское государство не входит в первую десятку наиболее значимых для Японии билатеральных партнеров в системе SMP. Объем помощи Японии в отношении африканских государств в процентном соотношении к общему объему помощи в рамках SMP составлял на 2012 г. около 16%. При этом приоритетным реципиентом помощи для Японии остаются государства Азии — более 60% от общего объема помощи [11, с. 326].

Исходя из общего объема финансовой поддержки государствам Африки южнее Сахары в 2012 г., Япония предоставила помощь на билатеральной основе в объеме в 1,8 млрд долл., тогда как Центральной и Южной Азии — 4,1 млрд долл., Восточной и Юго-Восточной Азии — 4,8 млрд долл. [11, с. 326].

¹ Japan's ODA and JICA. Официальный сайт JICA. URL: <http://www.jica.go.jp/english/publications/reports/annual/2014/index.html>

Если же рассматривать первую десятку африканских получателей помощи, то прежде всего, следует назвать Танзанию, Кению, Гану, Эфиопию, Судан, Демократическую Республику Конго и др. При этом наблюдается существенный разрыв в финансировании африканского реципиента номер один — Танзании (147,91 млн долл.), и десятого получателя помощи, а именно — Уганды (68,87 млн долл.), объемы помощи разнятся практически в два раза [8, с. 130].

Как уже отмечалось выше, финансирование развития Африки со стороны доноров, в том числе и Японии, осуществляется как на билатеральной, так и мультилатеральной основе. Так, Япония переводит средства международным организациям, участвующим в развитии Африки. Общий объем финансирования по мультилатеральной линии в 2012 г. составил 4,202 млрд долл. В число получателей входят Всемирный Банк, региональные банки развития (Азиатский и Африканский), агентства ООН и др. [11, с. 405].

В связи с этим не случайно в тексте Иокогамской декларации прослеживается понимание того, что политика развития является частью глобальных процессов и поддерживает общие тенденции развития мирового сообщества, в том числе активно продвигает новое видение взаимодействия реципиентов и доноров международной помощи и таким образом существенно преобразует характер их сотрудничества.

Равноправное сотрудничество понимается как признание за африканскими государствами права выбора стратегии развития. В тексте Иокогамской декларации (2013) акцент в рамках сотрудничества делается на то, что участники ТИКАД прежде всего поддерживают прямые инициативы Африки в вопросах развития, такие как Программа инфраструктурного развития Африки; Всеобщая африканская программа сельскохозяйственного развития; Африканский инструмент экспертной оценки; ускорение промышленного развития Африки¹.

Поддержка стратегии Африканского союза как регионального актора остается ведущим принципом участников ТИКАД. Координирующие возможности АС на континенте неоспоримы. Став приемником АОЕ, Союз существенно переработал принципы и задачи организации и стал активным проводником интересов Африки в международных процессах. Активно взаимодействуя с Экономической Комиссией ООН для Африки, Африканским банком развития, Программой развития ООН, программой НЕПАД и другими международными структурами, АС институционализирует интересы африканских государств, выявляя наиболее актуальные сферы развития континента и намечая возможность консенсуса интересов Африки и всех международных игроков на африканском поле.

Знаковым направлением сотрудничества в рамках ТИКАД становится социальная политика. В фокусе сотрудничества АС и Японии оказались проблемы гендерного равенства в Африке и сотрудничество в рамках десятилетия африканских женщин (2010–2020), направленное на узаконивание прав женщин, их роли и участия во всех сферах жизни континента. Среди социально значимых проектов Иокогамская декларация акцентирует внимание на политике развития потенциала молодежи посредством поддержки плана Африканского Союза по обеспечению занятости молодежи и смягчению последствий бедности.

Особое значение для стран и населения Африки имеет проблема гуманитарной безопасности в условиях перманентной конфликтности и угрозы для жизни и безопасности людей. В Декларации отмечается, что именно военные конфликты, этнополитическая нестабильность, перманентная физическая угроза жизни человека сдерживают развитие человеческого потенциала Африки. В связи с этим ведущей

¹Yokohama Declaration 2013. Hand in Hand with a More Dynamic Africa. URL: http://www.mofa.go.jp/region/page3e_000053.html

задачей партнеров континента, в частности Японии, является усиление гуманитарного вектора сотрудничества в вопросах предупреждения конфликтов, миротворческой деятельности, постконфликтном урегулировании, подавлении терроризма¹.

Японская политика содействия развитию в Африке на современном этапе сопоставима с масштабами влияния западных доноров, по данным ОЭСР, Япония занимает пятую позицию в иерархии западных доноров [9, с. 12–14]. Лидируют же Соединенные Штаты, которые являются традиционным донором и участвуют в развитии африканского континента, как и Япония, на основе критериев Комитета содействия развитию ОЭСР. Объемы ОПР США за 2013 г. составили 31,545 млрд долл., по билатеральной линии помощь Африке южнее Сахары — 8,8 млрд долл. [11, с. 379].

За Японией остается приоритет государства, которое стояло у истоков активного проникновения восточноазиатских игроков в политику содействия развитию по всему миру, прежде всего в Азии и на африканском континенте. Не менее значимой представляется роль Японии в привлечении африканских лидеров к работе в неформальных структурах глобального управления, например, именно по приглашению Японии африканские политики участвовали в работе Окинавского Саммита G-8, 2000 г. [4, с. 4]. Темой ТИКАД V был лозунг «Рука об руку с быстро растущей Африкой», Япония стремится реализовать этот подход в общих рамках политики СМР.

Официальная помощь развитию (ОПР), реализуемая Японией в Африке, нацелена на укрепление собственного глобального международного статуса. К усилению своей роли в международных отношениях посредством участия в политике СМР движутся и другие восточноазиатские игроки, и прежде всего Китай и Южная Корея. Однако их инструментарий и потенциал влияния в африканском регионе в значительной степени отличаются от возможностей «страны восходящего солнца». Если Япония — традиционный и общепризнанный донор, то КНР и РК — относительно молодые игроки в сфере СМР.

Китайская официальная помощь развитию на период 2010–2012 гг. насчитывала около 15 млрд долл., из которых примерно половина была направлена в Африку. Поток китайского финансирования по линии СМР в страны Африки, как отмечает Эллинг Тьоннеленд, сопоставим с показателями крупных традиционных доноров, так, Китай по размерам помощи существенно опережает Норвегию, которая рассматривается как один из лидеров СМР и занимает 11-ю позицию в списках КСР ОЭСР [17, с. 5].

Китай не является членом ОЭСР, но выступает в качестве стратегического партнера этой организации и участвует в финансировании проектов развития африканского континента. Финансирование проектов СМР Китаем реализуется посредством Государственных банков, таких как ЭКСИМ-Банк (Экспорт-Импорт Банк) и Китайский Банк Развития. Однако деятельность этих банков направлена по большей части на финансирование деятельности китайских компаний за рубежом, и в меньшей степени — на поддержку политики развития.

Партнерство Китая и африканских государств рассматривается как одно из самых сильных и в то же время противоречивых. Это сотрудничество ведет свой отсчет с конца 60-х гг. XX в. [13, с. 11]. На тот момент пришлось активное участие Китая в строительстве железной дороги между Танзанией и Замбией (Tazara). Сегодня, несмотря на прочные связи с Восточной Африкой, особый интерес Китай проявляет к африканским странам с богатыми природными ресурсами, среди них Ангола, Нигерия, Судан, Демократическая республика Конго и др.

¹ Yokohama Declaration 2013. Hand in Hand with a More Dynamic Africa. URL: http://www.mofa.go.jp/region/page3e_000053.html

Китай выступает в качестве крупнейшего торгового партнера Африки, по показателям 2011 г. он занимал первое место в мире по объемам торговли с Африкой — 142,1 млрд долл., Япония находилась на 10-м месте с показателями — 28,3 млрд долл., Южная Корея на 13 месте — 17 млрд долл.¹. Также показательна динамика торговых отношений КНР и ее африканских партнеров. Общий объем торговли между ними на 2000 г. составлял 10 млрд долл., а к 2013г. — возрос до 210 млрд долл. [17, с. 1].

Активная политика КНР в отношении африканского континента широко обсуждается в контексте политики СМР. Существуют весомые противоречия в оценке китайской внешней политики и присутствия Китая в Африке. Двойственность интересов КНР в отношении африканских игроков усматривается в целях этого восточноазиатского государства, с одной стороны — Китай провозглашает свои интересы в области «равноправного партнерства», с другой — стремится выступать в качестве активного донора политики развития, занимая лидирующую позицию в сотрудничестве с Африкой. Одновременно исследователи отмечают, что приоритетными стимулами политики КНР на африканском континенте следует считать внутренние проблемы и задачи национального развития Китая, такие как энергетическая безопасность, обеспечение роста экспортных рынков, фактор снижения бедности и др. Тогда как политика по линии солидарности Юг-Юг в деятельности КНР представляется, по большей части, как инструмент привлечения партнеров и проникновения на континент [5; 6, с. 163–164].

Китайская политика в области СМР имеет характерные отличия. Как правило — это политика, основанная на билатеральной схеме сотрудничества, которая связана с продвижением потребления китайских товаров и услуг, одновременно существенная часть китайской СМР в области инфраструктурной политики тесным образом связана с торговой экспансией государственных китайских компаний. Политика развития, реализуемая КНР в Африке, на современном этапе претерпевает значимые преобразования, получая социальный и гуманитарный контекст. Так, $\frac{2}{3}$ объема помощи на развитие за 2010–2012 гг. было направлено на развитие социальной сферы и экономической инфраструктуры африканских государств. За последние годы эксперты отмечают появление новых тенденций в реализации СМР Китаем. Интересен факт привлечения по линии СМР африканских студентов для получения высшего образования в Китае, на период с 2012–2015 гг. была поставлена цель — привлечь до 18 000 студентов. Китай выдвигается в качестве конкурентного игрока в области профессионального образования, наряду с Германией и Японией, традиционными лидерами в сфере продвижения образовательных услуг [17, с. 5].

Сотрудничество между Китаем и странами Африки на высшем уровне организационно было оформлено в 2000 г., когда состоялся первый Форум китайско-африканского Сотрудничества (FOCAC/ФОКАС). С этого момента «ФОКАС представляет собой рабочую структуру для реализации коллективного диалога Китая и Африканских государств на основе равенства, взаимной выгоды, в целях обеспечения мира и развития»².

Африканский Союз смог стать равноправным членом ФОКАС лишь в 2009 г., с этого момента партнерство АС и КНР рассматривается как одно из наиболее устойчивых и весомых для обеих сторон. А с 2011 г. Комиссия Африканского союза участвует в формировании повестки Форума. Присутствие Комиссии АС в ФОКАС следует связывать с усилением международной/многополярной повестки

¹Africa Partnership Forum Evaluation Report. A Forum Puts itself to the Test / Hayford P., Kloke-Lesch A., Hosang Ch. September, 2013. P. 80.

²FOCAC (2000), «Beijing Declaration of the Forum on China-Africa Cooperation». URL: <http://www.focac.org/eng/ltida/dyjbzjhy/DOC12009/t606796.htm>

в работе Форума, одновременно АС усиливает именно panaфриканский контекст китайско-африканского диалога.

ФОКАС регулирует существенные финансовые потоки китайской помощи в отношении Африки. За последние 10 лет эта помощь существенно возросла. Если в 2006 г. Китай инвестировал в Африку 5 млрд долл., то в 2012 г. было принято решение о переводе 20 млрд долл., эта сумма в два потока была перечислена африканским государствам, начиная со второй половины 2013 г. Китай, реагируя на запросы Африки, с 2013 г., т. е. с момента прихода к власти Си Цзиньпина, отчетливо продвигает новую линию сотрудничества, а именно — инвестирование в развитие инфраструктуры африканского континента, в противовес политике агрессивного участия в разработке полезных ископаемых. В то же время китайская модель инфраструктурного развития Африки предполагает решение задач собственно китайской политики в регионе и основана на продвижении кредитования ресурсодобывающих отраслей, а также нацелена на создание условий для китайского бизнеса в Африке, китайских импортеров и подрядчиков. Эта стратегия тесно увязана с политикой СМР, но, как отмечают эксперты, несмотря на то, что эта политика затрагивает реальные сферы инфраструктурных преобразований африканских государств, все же она не отвечает на самые насущные запросы континента — структурные реформы экономики, трансформацию сельского хозяйства, развитие человеческого потенциала [14, с. 10–11].

Китай продолжает играть ведущую роль в ФОКАС, являясь инвестором в развитие африканского континента и продвигая собственные концепции сотрудничества, или же выстраивая сотрудничество исключительно в своих интересах. Такая ситуация, очевидно, не может уже устраивать большинство африканских государств, и, как ожидается, на VI Саммите ФОКАС, который пройдет в ЮАР в декабре 2015 г., африканские участники будут добиваться существенной модернизации диалога со своим важнейшим восточноазиатским партнером, а именно, речь пойдет о развитии новой повестки сотрудничества с учетом базовых потребностей и векторов развития самой Африки.

Уже после V Саммита ФОКАС Китай выступил с рядом инициатив, обещая африканским лидерам продвигать через ФОКАС программы сотрудничества, отвечающие наиболее насущным интересам региона. Речь идет о «4–6–1 стратегии» китайско-африканского сотрудничества и трех программах построения коммуникационных сетей [14, с. 12–13].

Новая стратегия Китая «4–6–1» в отношении африканского континента следует *четырем базовым принципам*: построения равноправных и искренних отношений, усиления солидарности и взаимной справедливости, совместной поддержки инклюзивного развития, продвижения инновационного и практического сотрудничества. Сфокусирована в *6 сферах*: промышленное сотрудничество, финансовое сотрудничество, взаимодействие по преодолению бедности, сотрудничество в области защиты окружающей среды, культурный и гуманитарный обмены, сотрудничество в области мира и безопасности. Базируется на *единой платформе* — готовности КНР к обновлению китайско-африканского партнерства в ответ на потребности развивающейся Африки и стремлении поднять партнерство на новый стратегический уровень [17, с. 3].

Практическая реализация планов по модернизации партнерства, как полагают эксперты, получит ожидаемый импульс на VI Саммите ФОКАС в 2015 г. и связано это будет с усилением позиции африканских государств в рамках ФОКАС. Процесс, который не возможен без участия Африканского Союза, прежде всего, в связи с тем, что именно региональные возможности и Устав Союза позволяют этой международной организации продвигать интересы Африки в качестве основы для повестки сотрудничества с любым внерегиональным игроком, включая и Китай.

И собственно, защита сырьевой отрасли африканских экономик от «постколониальной эксплуатации» представляется важнейшим направлением деятельности АС. Так, важным направлением обеспечения африканских интересов в сотрудничестве с Китаем может стать деятельность АС по присоединению африканских государств к Международному стандарту обеспечения прозрачности дохода от природных ресурсов (ИПДО)¹.

Участие Китая в строительстве железных дорог и автомобильных коммуникаций в Африке является фактом широко известным. Среди примеров финансирования Китаем инфраструктурных проектов можно выделить сверхскоростную трассу Тика-Найроби, важнейшую для социального и экономического развития Кении и ее соседей, скоростную трассу Кигали в Уганде и др. [13, с. 12]. Инфраструктурные инвестиции КНР в коммуникации африканских государств остаются крупнейшими, в то же время Китай наращивает свое участие в миротворческих операциях в Африке, и в этом смысле Китай становится важнейшим партнером АС и ООН по проблемам безопасности на континенте.

Во взаимодействии стран Африки и Китая можно проследить развитие трехстороннего сотрудничества, когда два внерегиональных игрока совместно участвуют в реализации проектов СМР на территории третьего участника сотрудничества, как правило, реципиента помощи. Примером может послужить сотрудничество США и КНР в области здравоохранения в Либерии [13, с. 13].

На фоне активности Китая и Японии возможности и деятельность Южной Кореи в Африке остается в тени или же комментируется исключительно сдержанно. При этом, отталкиваясь от показателей сотрудничества Кореи и африканских государств, стоит признать существенное влияние РК на процессы африканского регионализма. Корея в 2010 г. становится членом ОЭСР, а также Комитета по содействию развитию (КСР ОЭСР), по замечанию Yejoon Kim, южнокорейское государство перестает быть реципиентом и превращается в полноценного донора [6, с. 14]. Южная Корея после присоединения к ОЭСР активно наращивает финансирование по линии СМР, в 2012 г. 17,5% от общего объема корейской ОПР размером 1,6 млрд долл. было направлено 20 африканским государствам, крупнейший реципиент — Танзания (36 млн долл.) [17, с. 6–7].

Политика Южной Кореи по содействию международному развитию зарождается в 1980-е гг. Вполне официальный характер она приобретает с момента создания Фонда сотрудничества в области экономического развития — *Economic Development Cooperation Fund (EDCF)*, основанного в 1987 г. Экспортно-импортным банком Кореи. Фонд был учрежден для поддержки экономического роста в развивающихся странах. В 1991 г. в РК было основано Международное агентство по сотрудничеству (*KOICA*).

К ряду специфических черт политики развития, проводимой Республикой Корея, можно отнести уникальность статуса Кореи в качестве проводника политики развития. В течение более 30 лет Корея, начиная со второй половины 1980-х гг., оставаясь в положении реципиента помощи в рамках международной политики содействия развитию, сама начала оказывать помощь государствам-реципиентам.

Второй наиболее значимой чертой политики СМР Кореи исследователи называют доминирование билатерального подхода в осуществлении помощи. Корея не избегает мультилатеральной модели СМР, сотрудничая с ООН, АБР, АфБР и другими мультелатеральными организациями, но, судя по объемам помощи, — веду-

¹ См. о деятельности ИПДО, о процедуре присоединения и пр.: Информационный листок ИПДО. Май 2009. URL: http://sustdevelopment.narod.ru/EITI/Russian_EITI_Fact_Sheet.pdf; Информационный листок ИПДО. 2013. URL: <http://ua-energy.org/upload/files/EITI-fact-sheet-2013-russian.pdf>; Официальный сайт ИПДО. URL: <https://eiti.org/>

щим механизмом сотрудничества в рамках политики развития для Кореи остаются билатеральные связи. Так, в 2010 г., по данным Министерства иностранных дел и торговли РК, по линии билатеральных отношений Корея провела около 885 млн долл., в то же время мультилатеральные схемы СМР финансировались Кореей в объеме около 313 млн долл. В целом за период со второй половины 80-х гг. XX в. до середины 2000-х гг. Корея сумела увеличить объемы помощи практически в 30 раз [6, с. 15].

В то же время, по замечанию экспертов, объемы финансирования Кореей политики развития существенно отстают от показателей ведущих доноров ОЭСР. Республика Корея обозначила задачу удвоить объемы СМР к 2015 г., что составит 0,25% роста национального дохода РК, но даже при этом Корея будет далека от искомой цифры 0,7%, намеченной в качестве критерия эффективности политики развития еще в 70-е гг. XX в. Генеральной Ассамблеей ООН. Для сравнения, среди стран — членов ОЭСР за 2013 финансовый год объемы СМР Кореи составили 0,13% от валового национального дохода, так же как и у Словении и Греции; объемы международной помощи Японии составили 0,23%; самый высокий показатель принадлежит Норвегии — 1,07%; а самый низкий — Словакии — 0,09% [9, с. 14].

Среди наиболее характерных черт корейской политики развития следует назвать региональное распределение финансовых потоков. В структуре KOICA в рамках регионального управления среди прочих действует Отдел Африки, в котором выделяют два подразделения: Западная Африка и Восточная Африка [10, с. 152].

Более 50% ОНР направляется в страны Азии. Приоритет азиатского сотрудничества в политике развития Кореи очевиден. Как следует из отчета KOICA за 2013 г., по линии этого Агентства в азиатский регион было направлено 210,63 млн долл., средства шли на поддержку 32 государств; в то же время в Африку было вложено 95,78 млн долл. с общим числом реципиентов — 46; в Латинскую Америку — 55,34 млн долл. при участии в качестве реципиентов 27 государств, а на Средний Восток — 21,78 млн долл. при участии в качестве реципиентов шести государств [10, с. 154].

Среди лидирующих секторов помощи в рамках СМР Кореи следует назвать образование (в процентном соотношении — 29,4% от общего объема помощи), здравоохранение (15,7%), промышленность и энергетика (15,3%), государственное управление (14,4%), сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство (13,8%). При этом следует отметить, что общая динамика объемов помощи по секторам не однозначна. Если за период 2009–2013 гг. такие сектора, как здравоохранение, государственное управление потеряли в объемах помощи, то сотрудничество в сферах образования, промышленности и энергетике, сельского хозяйства, рыболовства, лесного хозяйства было усилено за счет расширения объемов помощи [10, с. 155–156].

Одним из важных факторов корейской СМР специалисты называют также собственно выбор реципиентов помощи. Корея работает с государствами со средним уровнем доходов, ограниченно участвуя в финансировании слаборазвитых государств [6, с. 15].

При этом Корея направляет средства для эффективного урегулирования конфликтов и кризисных ситуаций в странах Африки. Корея реализует различные модели урегулирования и помощи в условиях конфликтов и последствий стихийных бедствий. Так, в 2013 г. Корея осуществляла помощь Мадагаскару в преодолении последствий циклона, оказывала помощь жертвам наводнения в Южном Судане.

В 2011–2014 гг. РК реализует проект в Гане по улучшению санитарного состояния питьевой воды. Общий объем проекта — 4 млн долл. В рамках этой программы создана структура, которая, как и планировалось, продолжила осуществлять контроль за соблюдением санитарии и безопасности питьевой воды, а именно — Комитет по профилактике санитарного состояния питьевой воды [10, с. 102].

В 2013–2015 гг. Корея реализует разнообразные проекты в области образования, здравоохранения в Руанде. Одним из результативных стал проект общим объемом 4,5 млн долл., направленный на улучшение здравоохранения матерей и детей с привлечением мобильных средств связи. В проекте приняло участие 120 тыс. беременных женщин из 10 провинций Руанды. Будущие матери получили возможность консультаций с профессиональными медиками посредством мобильной связи, под контролем специалистов оказалось протекание беременности и родов, что позволило улучшить состояние здоровья как рожениц, так и новорожденных младенцев [10, с. 111].

Сотрудничество с африканскими странами находится в центре мультилатеральных проектов Кореи. Взаимодействуя с ООН, РК активно поддерживает своих партнеров-реципиентов в вопросах реализации Целей тысячелетия, в Африке это — Нигерия, Руанда. Общий объем помощи в вопросах продвижения целей тысячелетия в 2013 г. составил 5,65 млн долл. [10, с. 144].

Помощь Республики Корея странам Африки составляет примерно 20% от общего объема ОПР, реализуемой Кореей в мире. Значимой чертой участия Кореи в политике СМР специалисты усматривают стремление сочетать «ресурсную дипломатию» и «прагматическую дипломатию», которые направлены на использование СМР в экономических интересах РК. Важным элементом активности Кореи в области ОПР представляется внедрение трансформационного опыта Кореи как государства, совершившего развитие от сельскохозяйственной страны до промышленно развитого игрока Восточной Азии за период с момента завершения Корейской войны.

Очевидно, что Корея, как и другие восточноазиатские участники политики СМР, активно продвигает свое видение политики развития и рассматривает эту международную практику как элемент своей политики «мягкой силы», т. е. ресурс продвижения своих национальных интересов в различных частях мира.

Несмотря на то, что характеристики внерегионального сотрудничества Африки достаточно разнообразны и разнятся в зависимости от партнеров континента, можно обозначить общие черты и тенденции влияния этих партнерств на развитие африканского регионализма.

Рассмотренные партнерства со странами Восточной Азии отмечены регулярными и частыми встречами лидеров государств или постоянно действующим министерским уровнем координации. Устойчивой характеристикой этих взаимодействий можно назвать активные двусторонние отношения, долголетние планы сотрудничества, продолжительные и развивающиеся торгово-экономические отношения, растущий образовательный обмен, усиление культурного взаимодействия.

Перспективный характер сотрудничества закреплён в деятельности совместных рабочих механизмов, таких как ТИКАД, ФОКАС — постоянно действующих конференций и саммитов, обеспечивающих стратегический, долговременный и мультилатеральный характер взаимодействия.

Все восточноазиатские участники СМР рассматривают этот инструмент внешней политики как неотъемлемую часть своего влияния на глобальном уровне и ресурс продвижения национальных интересов в стратегически важном регионе. Япония, РК и КНР выступают в качестве стратегических партнеров для многих государств африканского континента. Обладают развитой институциональной моделью сотрудничества с Африкой, а также реализуют многоканальное воздействие на африканский континент: мультилатеральное и билатеральное; государственное и негосударственное; финансирование в рамках СМР и другие формы финансирования, включая прямые иностранные инвестиции; трехстороннее сотрудничество Юг-Север-Юг и сотрудничество Юг-Юг; реализуют политику «мягкой силы» и др. Япония, являясь членом G-7/8, активным участником Форума по партнерству с Африкой (APF), а также членом ОЭСР,

выступает проводником западных стандартов политики СМР в Африке. Корея поддерживает западный вектор развития СМР и во многом воспроизводит японский опыт реализации ОПР на континенте. В сотрудничестве с африканскими государствами Китай реализует важное направление международного развития, а именно — взаимодействие государств по линии Юг-Юг. Важным международным аспектом сотрудничества КНР и африканских государств эксперты отмечают растущие связи стран БРИКС с Африкой южнее Сахары и формирование новых механизмов, продвигающих на глобальный уровень не-западные модели регулирования международных процессов [17, с. 1–9].

Рассмотренные партнерства восточноазиатских государств со странами Африки по линии СМР являются значимым ресурсом развития африканского регионализма. На континентальном уровне — это сотрудничество с АС по самым значимым для африканцев аспектам развития — инфраструктурное развитие Африки и экономический рост слаборазвитых государств; развитие человеческого потенциала, включая вопросы безопасности, гендерного равенства, роста грамотности и образования, формирование и поддержание здравоохранения; решение проблем экологического развития и рост сельскохозяйственного производства, развитие местной промышленности и др.

Участие таких государств, как Япония, КНР и РК в политике развития Африки позволяет им транслировать и адаптировать к условиям африканских государств свой «азиатский» опыт развития, опыт экономической и социальной трансформации государства на пути интеграции в мировые экономические и политические процессы.

Переосмысление роли политики СМР в развитии Африки в целом подталкивает азиатских партнеров континента развивать другие инструменты финансового участия в развитии африканских государств: прямые иностранные инвестиции, государственное и частное кредитование, проектное финансирование и др. Политика СМР становится недостаточным ресурсом финансирования целей развития континента как на билатеральном, так и на мультилатеральном уровнях. Одновременно с этим политика СМР остается важным инструментом взаимодействия государств — доноров и получателей помощи, это легитимный инструмент продвижения и обеспечения национальных интересов страны-донора в решении вопросов энергетической безопасности, расширения рынков сбыта для товаров национальных производителей, продвижения своих культурных и образовательных ценностей посредством ресурсов «мягкой силы» и др.

Как на билатеральном, региональном, так и на континентальном уровне страны Африки рассматривают взаимодействие с азиатскими партнерами в качестве важного источника укрепления собственного влияния в международных процессах. Равноправное партнерство и реализация политики СМР на основе потребностей и задач развития государств-получателей помощи открывает для Африки новые ресурсы развития регионализма, прежде всего в области инфраструктурного роста, формирования человеческого потенциала, способного обеспечить экономическое развитие и стабилизацию политических процессов на континенте.

Литература

1. Королев В. А., Кудрявцева С. С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 190–206.
2. Родин А. Р. Африканская политика Японии // Азия и Африка сегодня. № 8. 2014. С. 59–64.
3. Содействие международному развитию: курс лекций / под ред. В. И. Бартенева и Е. Н. Глазуновой. М., 2012.
4. Cornelissen S. Japan's Role in Africa: Principle, Pragmatism and Partnership // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. 2012. Vol. 70. P. 4–13.

5. Corkin L. Forum: African agency in the context of China-Africa relations // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. June, 2015. Is. 1–2. P. 162–173.
6. Yejoo K. Korea's cooperation policy and its implications for development cooperation with Africa // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. April, 2012. Vol. 70. P. 14–21.
7. Over half a century of development assistance // Observer. OECD. Japan is back! April, 2014.
8. Japan's Official Development Assistance. White Paper. 2013. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page_000043.html
9. JICA (2013), Annual Report. 2014. URL: <http://www.jica.go.jp/english/publications/reports/annual/2014/index.html>
10. KOICA (2013), Annual Report. Korea International Cooperation Agency. 2014.
11. OECD (2014), Development Co-operation Report 2014: Mobilising Resources for Sustainable Development. OECD Publishing. 2014. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/development/development-co-operation-report-2014_dcr-2014-enpage412
12. Schriver R., Mroczkowski I. Japan's Global Engagement: A Mapping Study of Japan's Global Role and International Contributions. The Project 2049 Institute and the Sasakawa Peace Foundation. April 2012. P. 1–29. URL: http://project2049.net/documents/japan_global_engagement_2012.pdf
13. South-South and Triangular Cooperation and its implications for the Eastern Africa sub-region: Report for the UN Economic Commission for Africa. Subregional office for Eastern Africa by the Economic Commission for Africa, Southern Africa Office. May, 2011.
14. Yun S. The sixth forum on China-Africa cooperation: new agenda and new approach? // Foresight Africa: top priorities for the continent in 2015. The Brookings institution. Africa growth initiative. January, 2015. P. 10–13.
15. Yamada Sh. From humanitarianism to trade promotion: the changing emphasis of Japanese development co-operation to Africa // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. June, 2015. Is. 1 and 2. P. 28–49.
16. Yamada Sh. The discourse on Japanese commitment to Africa: The planning process of the fourth Tokyo International Conference on African Development (TICAD IV) // Journal of Contemporary African Studies. Vol. 29, N 3. July, 2011. P. 315–330.
17. Tjønneland Elling N. African development: what role do the rising powers play? // The Norwegian Peacebuilding Resource Centre. Report. January, 2015.

References

1. Korolev V. A., Kudryavtseva S. S. «The soft force» of modern Japan: experience and directions of development [«Myagkaya sila» sovremennoi Yaponii: opyt i napravleniya razvitiya] // Bulletin of the International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2014. V. 9. N 2. P. 190–206. (rus)
2. Rodin A. R. African policy of Japan [Afrikanskaya politika Yaponii] // Asia and Africa today [Aziya i Afrika segodnya]. N 8. 2014. P. 59–64. (rus)
3. Assistance to the international development. A course of lectures [Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu. Kurs lektsii] / Under the editorship of V. I. Bartenev and E. N. Glazunova. M., 2012. (rus)
4. Cornelissen S. Japan's Role in Africa: Principle, Pragmatism and Partnership // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. 2012. Vol. 70. P. 4–13.
5. Corkin L. Forum: African agency in the context of China-Africa relations // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. June, 2015. Is. 1–2. P. 162–173.
6. Yejoo K. Korea's cooperation policy and its implications for development cooperation with Africa // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. April, 2012. Vol. 70. P. 14–21.
7. Over half a century of development assistance // Observer. OECD. Japan is back! April, 2014.
8. Japan's Official Development Assistance. White Paper. 2013. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page_000043.html
9. JICA (2013), Annual Report. 2014. URL: <http://www.jica.go.jp/english/publications/reports/annual/2014/index.html>
10. KOICA (2013), Annual Report. Korea International Cooperation Agency. 2014.
11. OECD (2014), Development Co-operation Report 2014: Mobilising Resources for Sustainable Development. OECD Publishing. 2014. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/development/development-co-operation-report-2014_dcr-2014-enpage412

12. Schriver R., Mroczkowski I. *Japan's Global Engagement: A Mapping Study of Japan's Global Role and International Contributions*. The Project 2049 Institute and the Sasakawa Peace Foundation. April 2012. P. 1–29. URL: http://project2049.net/documents/japan_global_engagement_2012.pdf
13. *South-South and Triangular Cooperation and its implications for the Eastern Africa sub-region: Report for the UN Economic Commission for Africa*. Subregional office for Eastern Africa by the Economic Commission for Africa, Southern Africa Office. May, 2011.
14. Yun S. *The sixth forum on China-Africa cooperation: new agenda and new approach?* // Foresight Africa: top priorities for the continent in 2015. The Brookings institution. Africa growth initiative. January, 2015. P. 10–13.
15. Yamada Sh. *From humanitarianism to trade promotion: the changing emphasis of Japanese development co-operation to Africa* // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. June, 2015. Is. 1 and 2. P. 28–49.
16. Yamada Sh. *The discourse on Japanese commitment to Africa: The planning process of the fourth Tokyo International Conference on African Development (TICAD IV)* // Journal of Contemporary African Studies. Vol. 29, N 3. July, 2011. P. 315–330.
17. Tjønneland Elling N. *African development: what role do the rising powers play?* // The Norwegian Peacebuilding Resource Centre. Report. January, 2015.